

К 60-летию ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

© 1997 г., ЭО, № 2

Л.М. Левина

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИАРАЛЬЯ В I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР (ныне Института этнологии и антропологии РАН) в своих исследованиях всегда далеко выходила за границы собственно Хорезма. Уже с 1946 г. работы экспедиции охватили и территорию Восточного Приаралья – обширной разветвленной древней Сырдарьинской дельты.

С глубокой древности Восточное Приаралье являлось одной из важнейших зон постоянных культурных и этнических контактов между скотоводами Великого евразийского степного пояса и земледельцами древнейших оазисов Средней Азии. Восточное Приаралье (и прежде всего его северная часть) было своеобразным «перекрестком» исторических путей передвижения народов, важных миграционных, а также торговых дорог. Здесь же располагались места традиционных «зимовок» скотоводческих и полускотоводческих племен. Физико-географические особенности этого региона обеспечивали специфические условия исторических процессов взаимодействия разных племен и племенных групп, хозяйственная деятельность которых представляла разные культурно-хозяйственные типы. Именно здесь формировались условия устойчивого сосуществования на протяжении столетий представителей различных этносов. Все это обуславливало специфику и сложность происходивших здесь активнейших этногенетических процессов, что позволило С.П. Толстову еще в 1940-е годы выделить Приаралье как территорию, особо значимую в этнической истории, назвав его «аральским узлом этногенеза»¹. Судя по археологическим находкам, данный регион обжился человеком еще в периоды неолита и бронзового века, но особенно интенсивно осваивался он в I тысячелетии до н.э. и I тысячелетии н.э. Многие ученые связывают области Восточного Приаралья с именами саков, алан, кангюев, эфталитов, хионитов, огузско-печенежскими и другими племенами, сыгравшими заметную роль в этнокультурной истории ряда евразийских народов.

Показательна и экологическая характеристика региона. Огромные открытые равнинные пространства при наличии развитых сложнейших речных систем обеспечивали людям легкость передвижения и широкое расселение. Формирование пространства для подобных историко-этнических процессов в большой степени определялось тем особым географическим положением, которое занимало Восточное Приаралье (в первую очередь северные районы равнины) на евразийском континенте. Практически – это центр широкого пояса, полукругом охватывающего громадные области азиатских и европейских степей.

В руслах южных протоков огромной сырдарьинской дельты в Восточном Приаралье в VII–V вв. до н.э. обитали сакские племена², на основе культуры которых и под сильным культурным влиянием земледельческих оазисов юга Средней Азии в IV–II вв. до н.э. здесь сложилась и развивалась чирикрабатская культура; носители ее оставили нам разветвленные ирригационные сооружения, почти две сотни открытых неукрепленных сельских поселений, высокоразвитую архитектуру монументальных погребальных построек и несколько крепостей. Одна из них, безусловно, может рассматриваться как сатрапская резиденция в подчиненной Ахеменидам самой северной в

державе области «саков, которые за Согдом»³. В конце III – начале II вв. до н.э. жители чирикбатских городищ и поселений под давлением экологической ситуации (прекращение стока воды в южных Сырдарьинских протоках – Жаныдарьи и Инкардарьи) вынуждены были покинуть рассматриваемый регион и уйти, судя по археологическим данным, на юго-запад в районы Парфии и частично на восток, где в районе современного г. Алма-Ата оставили нам несколько своих поселений. Лишь в IX в. н.э. частично возобновляется сток вод южных протоков Сырдарьи.

Однако и в силу географического положения, наиболее важные в регионе миграционные пути и торговые дороги (прежде всего, одно из важнейших северных ответвлений Великого шелкового пути), зоны межэтнических и межкультурных контактов в I тыс. до н.э., как и в I тыс. н.э. проходили в бассейне древних северных сырдарьинских протоков – Кувандарьи и Пра-Кувандарьи (Эскидарьялыка), где с конца эпохи бронзы по IX в. н.э. развивалась джетыасарская культура.

Чрезвычайно своеобразная, очень архаическая по своему внешнему облику джетыасарская культура резко отлична от всех соседних среднеазиатских и казахстанских культур. Ареал джетыасарских памятников чрезвычайно широк, и территория, занятая городищами, простирается далеко на север, восток и юго-восток от бывшего культуре имя джетыасарского урочища. Первая характеристика культуры и типология памятников внутри урочища принадлежит ее первооткрывателю С.П. Толстому (в 1948 г.)⁴. В середине 60-х годов были даны уточненная периодизация культуры и классификация ее керамики. В развитии культур было выделено три крупных этапа: Джетыасар I (последние века до н.э. – конец III–IV вв. н.э.), Джетыасар II (IV–VI, возможно, VII вв. н.э.) и Джетыасар III (VII–IX вв. н.э.)⁵. В своих основных положениях хронология культуры и классификация выдержали проверку временем и были многократно подтверждены результатами работ на сотнях памятников Средней Азии и Казахстана. Джетыасарскую культуру характеризуют и особенности расселения, организация поселений, специфика материальной культуры, погребальных памятников. Топография джетыасарских поселений резко отличается от топографии инкардарьинских и жаныдарьинских поселений VII–II вв. до н.э., где господствуют оазисы из неукрепленных поселений. Среди известных нам более полусотни джетыасарских городищ были лишь многослойные с развитой фортификацией крепости и не найдено ни одного неукрепленного поселения.

Огромные многослойные, многоэтажные, хорошо укрепленные джетыасарские городища всегда размещались в непосредственной близости от русла или какого-либо иного естественного водного источника и были окружены некрополями, насчитывавшими сотни и тысячи курганов.

Все городища расположены группами (или «гнездами») по 5-9 крепостей в каждой. В настоящий момент известно не менее 9 групп («гнезд») одновременных ранних поселений. Характерные для джетыасарской культуры необычайная традиционность и консерватизм при внешней архаичности всех черт материальной культуры проявляются и в облике городищ, в планировке и характере внутренней жилой застройки, фортификации, строительных приемов на протяжении многих сотен лет. Для джетыасарских поселений типичны двухъярусные городища (они сохранились на высоту от 8 до 25 м над уровнем современной поверхности, площадью до 18 га), изначальное ядро которых состояло из круглых или овальных в плане двух-трехэтажных крепостей со сложной фортификацией и сплошной внутренней застройкой. Ядро городища, его верхняя площадка – многослойный дом-массив с мощной и сложной фортификационной системой. Как выяснилось в результате наших исследований, отдельные крепости погибли в результате военных столкновений, но основная масса их была покинута жителями вследствие каких-либо экологических катастроф (как правило, прекращения стока воды в русле, на котором они базировались).

На территории джетыасарской культуры наряду с вышеописанными отмечаем единичные крепости с иным типом фортификационных сооружений и внутренней планировки. Материал таких ранних поселений заставляет думать о принадлеж-

ности их к иноэтничному, инокультурному населению. Городища Ашаг-асар, Карак-асар можно связывать с ранними носителями среднесырдарьинских культур Южного Казахстана (соотносимых мною с юэжками).

Появление же на территории джетыасарского урочища в VI–VII вв. крепостей без внутренней жилой застройки, вероятно, можно сопоставлять с частью семиреченских тюркских памятников типа крепостей-убежищ.

Подробный анализ строительной техники, начиная с материала, цокольных конструкций, характера стен, айванных, сводчатых и плоских перекрытий, проходов и лестниц, также выявил удивительный консерватизм при небольших нюансах, явно связанных с хронологическими различиями. То же можно сказать и о сложной фортификации, и о внутренней планировке крепостей.

С последних веков до н.э. вся внутренняя жилая застройка джетыасарских городищ представляла собой систему из множества однотипных двух- и трехкомнатных жилых секций, состоявших из функционально различных помещений. Основная жилая комната всегда сохраняла один и тот же интерьер: низкие широкие лежанки вдоль стен, центральный напольный открытый очаг строго определенной формы, выделенное глиняным валиком или стеночками предвходовое пространство, часто спиралевидные конструкции для зернотерок, своеобразные «очажные подставки». Местоположение каждой секции, ее общая площадь, интерьер основного жилого помещения оставались неизменными на протяжении столетий, хотя внутри основных стен секции происходили многочисленные перестройки, при которых менялось не только взаиморасположение комнат, но и их число. Рассматривая зависимость от местоположения и характера входа, пристенных лежанок, формы очага, удалось выявить два варианта интерьера основной комнаты жилой секции, бытовавшие до конца существования культуры в регионе (т.е. до VII–IX вв. н.э.).

Однако и позднее такая планировка продолжает оставаться обязательной для раннесредневековых и средневековых поселений типа Отрар в Южном Казахстане. Наиболее близкие аналогии обоих вариантам джетыасарских секционных планировок, иногда вплоть до тождественных деталей, находим в таких памятниках, как Кок-Мардан, Куйрук-тобе в слоях VI–VII, затем IX–X, X–XI вв. При преобладании первого варианта планировки (с прямоугольными очагами) здесь встречаются и секции с круглыми очагами и «очажными подставками», такими же тамбуровидными входами. Наряду с ними есть планировки секций, где смешаны оба джетыасарских варианта. Данные южные районы Казахстана являлись местом обитания носителей отрарско-каратауской культуры, теснейшим образом связанной с жителями джетыасарских городищ. Изучение памятников этих культур свидетельствует как о нескольких «волнах» миграции джетыасарцев в правобережье Сырдарьи (в III–IV, VI и VII вв.), так и об обратных движениях.

Исследования этнографа А.Н. Жилиной показали, что подобная джетыасарской секционная планировка с близкой формой лежанок и очагов бытует в некоторых районах Южного Казахстана вплоть до настоящего времени.

Раскопки помогли также выявить количество одновременно бытовавших жилых секций. Даже на одном из самых маленьких поселений в урочище, каким является Томпак-асар, на его двух площадках одновременно могло существовать не менее 63 вышеописанных жилых секций. Демографические подсчеты позволяют предполагать одновременное проживание в самых маленьких крепостях такого типа около 450 чел.

Любое джетыасарское поселение окружали десятки курганных некрополей. Изучение тысячи погребений позволило прийти к выводу о необычайной устойчивости как самих погребальных сооружений, так и единого для всех них типа погребального обряда, бытовавшего на данной территории без каких-либо изменений на протяжении всего существования культуры.

Джетыасарские могильники обязательно привязаны к определенным руслам, как правило, размещаясь на берегах действующего протока или канала и перекрывая валы и ложе уже нефункционирующего. Среди исследованных нами 29 некрополей

удалось зафиксировать бытование одновременных, но, безусловно, принадлежащих различным этносам могильников, размещенных на разных берегах одного протока или даже рядом на одном берегу. Среди раскопанных 740 курганов 102 содержали кирпичные сооружения – склепы, разделенные нами по совокупности архитектурных и планировочных признаков на три типа.

Детальный анализ погребального инвентаря показал, что такая форма погребений, как захоронения в кирпичных усыпальницах-склепах, наряду с другими типами подкурганых погребений достаточно обычна для джетыясарской культуры на всем протяжении ее существования в данном регионе.

Все джетыясарские подкурганые кирпичные погребальные сооружения – склепы условно разделены на три типа: подземные, полуподземные и наземные.

Вероятно, и подземные, и наземные склепы ведут свое происхождение в определенной степени от кирпичных мавзолеев могильника Северный Тагискен, расположенного в нескольких десятках километров от джетыясарских городищ, датируемого позднебронзовым временем. Строительная техника и приемы тагискенских мавзолеев (вплоть до качества, цвета и размеров сырцовых кирпичей) аналогичны таковым нижнего строительного горизонта джетыясарских городищ, как например Бедаик-асар. Керамический комплекс тагискенских мавзолеев (например, мавзолея № 6) генетически чрезвычайно близок к джетыясарской керамике. Сам же принцип подкурганых подземных сооружений, где стены и перекрытие сооружены из камня, широко известны среди памятников андроновской культуры Центрального Казахстана (например, могильник Бугулы-1).

Анализ склепов и остатков погребального инвентаря показывает, что наземные склепы бытовали весь период жизни джетыясарской культуры. Склепы первого типа, возникнув около середины I тыс. до н.э., доживают до IV в. н.э., когда начинается возведение полуподземных квадратных в плане склепов уже не со сводчатым перекрытием, а перекрытием в виде «ложного купола», дромосы резко укорачиваются, меняется местоположение входа и внутренний интерьер камеры. Перестают функционировать склепы второго типа одновременно с окончанием жизни джетыясарской культуры, т.е. в VIII–IX вв. н.э. Безусловно, склепы всех трех типов служили семейными усыпальницами и бытовали на протяжении весьма длительного периода. Очевидно, в своих неоднократных передвижениях на запад (в том числе и в районы Северного Кавказа), на юг и юго-восток (вверх по правому берегу Сырдарьи) носители джетыясарской культуры приносили с собой не только керамику, определенный другой инвентарь, строительную технику, но и свои обычаи, типы погребальных сооружений. В этом плане небезынтересно вспомнить и аланские каменные склепы Северного Кавказа, и сырцовые погребальные сооружения Южного Казахстана. Планы подкурганых склепов (наусов) Борижарского и других могильников Южного Казахстана практически полностью совпадают с джетыясарскими склепами. Более отдаленную аналогию представляют подобные памятники Таджикистана вроде подкурганых сооружений некрополя Тепай-шах. Следует напомнить, что джетыясарские подкурганые склепы, как подземные, так и наземные, функционировали уже в середине первого тысячелетия до н.э.

Среди исследованных джетыясарских погребальных памятников курганы, содержащие кирпичные склепы, составили менее одной седьмой от общего числа раскопанных. Остальные курганы под земляной насыпью имели грунтовые захоронения. Нередко под одной насыпью было несколько одновременных погребений. Наши раскопки затронули 29 могильников, расположенных вблизи 5 городищ Джетыясарского урочища: помимо склепов изучено около 750 захоронений в подкурганых грунтовых погребениях. Насыпи абсолютного большинства курганов окаймлялись рвами (диаметром от 6,5 до 30 м, изредка до 40 м) с перемычкой с южной стороны. Местоположение грунтовой могилы (или могил), кирпичного склепа под насыпью, ее (их) ориентировка были строго унифицированы по отношению к воображаемой поперечной оси перемычки рва. Можно предположить, что окаймлявшие насыпи курганов рвы с остатками тризн

являлись дополнительным рубежом, отделявшим мир живых от мира умерших, а перемычка рва – своеобразными «вратами» в хтонический мир.

Среди раскопанных курганов было шесть кенотафов и два – со специальными захоронениями животных. Все остальные курганы, помимо содержащих кирпичные склепы, заключали в себе грунтовые захоронения четырех типов.

Наиболее распространенными (чуть более половины – 50,5%) были погребения в могильных ямах с боковой нишкой для сосудов с заупокойной пищей. Как и курганы с кирпичными склепами, курганы, содержавшие могилы с боковыми нишками, размещены параллельными рядами «цепочек». Отмечено немало случаев, когда курганы с погребениями в ямах с боковыми нишками перекрывались курганами, содержащими могилы иного типа или же кирпичные склепы.

Среди исследованных нами курганов содержавшие погребения в подбоях составляют около 20%, в основном в окрестностях Алтын-асара. Наименее распространенным среди раскопанных джетыясарских курганов типом подкурганных грунтовых погребений были катакомбы, а захоронения в простых ямах составили чуть более 28%.

Анализ остатков погребального инвентаря позволяет считать, что наиболее ранними типами джетыясарских подкурганных погребений были захоронения в ямах с боковыми нишками и некоторые погребения в простых ямах. Весьма вероятно, что в середине I тыс. до н.э. в джетыясарском урочище подобные погребения уже существовали. Курганы с погребениями в ямах с боковыми нишками в абсолютном большинстве случаев прекращают бытование в III–IV вв. н.э. (возможно, отдельные курганы и в начале V в.). В IV – начале V в. появляются и курганы с погребениями в подбоях, которые параллельно с небольшим числом погребений в простых ямах бытуют до конца существования джетыясарской культуры.

Учитывая погребения в склепах, можно говорить об исследовании тысячи захоронений. Среди тех, которые поддаются определению, оказалось 245 мужских погребений, 255 – женских, 106 – детских.

Насколько можно судить по заполнению могил и положению захороненных, погребальный обряд во всех типах джетыясарских подкурганных грунтовых погребений одинаков. Завернутого в камышовые циновки умершего клали на дно ямы (подбоя, катакомбы) поверх слоя камыша или камышовых циновок на спину, головой на север, с вытянутыми ногами (сухожилия стоп подрезаны) и вытянутыми вдоль туловища руками. 86,4% раскопанных нами погребений было ограблено в древности. Кости животных сохранились в 67% раскопанных курганов, при этом в 88% таких погребений – кости барана (в 98% захоронений положены тазобедренные части барана). Лишь в десяти погребениях с очень бедным инвентарем были кости рыб.

Раскопанные джетыясарские курганы демонстрируют необычайную устойчивость типов погребальных сооружений (наземных и подземных) и погребального обряда. Строго унифицированы как детали погребальных сооружений, местоположение погребений, так и наборы и характер погребального инвентаря, а также особенности одежды и украшений, что, безусловно, определялось характером самой джетыясарской культуры. Именно на фоне подобного единообразия резче выявляются малейшие различия в деталях погребальных сооружений и в инвентаре. Приходится учитывать также и экологическую ситуацию региона. Так, вероятно, период смены типов подкурганных грунтовых погребений (при неизменности погребального обряда и внешнего вида насыпи и рва) совпал с прекращением стока воды в нескольких крупных руслах, с появлением принципиально новых ирригационных систем, что подтверждается и топографией хронологически разных курганов. Безусловно, в смене типов погребений важную роль сыграли и определенные новые религиозные воззрения населения, возникшие, возможно, под влиянием очередного, но достаточно мощного притока иноэтничного, инोकультурного населения на территорию размещения джетыясарских памятников.

Для джетыясарской керамики, как и для всей культуры в целом, характерны необычайная целостность и своеобразие комплекса, устойчивость пропорций, орна-

ментальных приемов, особый архаизм и консерватизм, распространяющийся на все формы посуды и проявляющийся на всем протяжении существования культуры в данном районе. Вся джетыясарская керамика была разделена нами на две группы, прежде всего по принципу технологии изготовления и обжига. Основная масса сосудов изготовлена ленточной техникой. Исследование джетыясарской керамики не оставляет сомнения в том, что носители культуры были знакомы с гончарным кругом, но по каким-то причинам практически не пользовались им.

В целом же джетыясарский керамический комплекс своеобразен, наделен специфическими чертами, сохраняющимися на протяжении всей истории культуры. Наличие такой устойчивой традиции, проявляющейся в четко стандартизованных формах, пропорциях, технологических приемах, позволяет рассматривать данную керамику как важнейший критерий определенности джетыясарской культуры и дифференцирующего признака на всей территории ее распространения (вплоть до Юго-Западной Ферганы и Северного Кавказа). Поэтому появление любых «чужих» форм и элементов фиксируется достаточно отчетливо. В этом плане на основе анализа материала, полученного в результате раскопок, возможно говорить, например, о привнесении «чужой» керамики во II–I вв. до н.э. из районов Тянь-Шаня, присырдарьинских и предгорных районов Южного Казахстана, Киргизии (юэчжи, гунны?) с одной стороны, и с верховьев Иртыша, Тобола, Ишима (угры?) – с другой. Нам представляется, что абсолютное большинство зафиксированной «чужой» посуды невозможно объяснить торговыми связями. Ее бытовой и относительно массовый характер при достаточно низком техническом качестве не позволяет считать ее предметом импорта. Скорее всего речь может идти о массовом переселении в районы расположения джетыясарских поселений инокультурного иноэтничного населения.

Как упоминалось выше, и все остальные категории материальной культуры характеризуются необычайной длительностью бытования, внешним архаизмом. Оружие представлено достаточно разнообразно: кинжалы, мечи, луки, стрелы, копья. В культурных слоях городищ найдены лишь бронзовые, костяные, железные наконечники стрел и костяные накладки сложного лука. Прочее же оружие являлось обязательной принадлежностью всех мужских и многих женских погребений. Положение мечей в могилах позволяет говорить о двух способах их ношения: слева от пояса вдоль левого бедра и справа, за правым плечом. Но если мечи отмечены лишь в мужских погребениях, то железные кинжалы, двулезвийные и однолезвийные, находились как в мужских, так и в женских погребениях. Помещались кинжалы в мужских погребениях как справа, так и слева у пояса, в женских захоронениях – только слева.

Коллекция тканей из джетыясарских курганов может дать представление о местном текстильном производстве и торговых связях этого региона от последних веков до н.э. до VI–VII вв. н.э.

Наплечная одежда женщин представляла собой длинные платья и относительно короткие кафтаны. Платья часто имели длинные рукава. Ворот платья застегивался янтарными, халцедоновыми, сердоликовыми, стеклянными пуговицами. Платья сшиты из хлопчатых, шелковых, шерстяных тканей. Все они имели розовый (краситель – сафлор), красный (краситель – марена), изредка карминный (краситель – червец) цвет. Были найдены также платья из полихромной ткани, где, однако, основным фоном оставался розовый или красный. Поверх платья надевали распашные кафтаны с рукавами, изготовленные из шерсти, хлопка, шелка, иногда и из тонкой кожи. Ворот и полы кафтанов обшивались рядами серебряных и бронзовых полушарной формы полых бляшек, а иногда и стеклянным бисером. Такая обшивка зафиксирована в нескольких десятках курганных погребений практически во всех исследованных нами джетыясарских могильниках, датироваемых периодом от последних веков до н.э. по IV–V вв. н.э. Применение кожи в женской одежде из джетыясарских могильников было достаточно распространено. Кроме того, она употреблялась для украшения аппликациями из разнофигурной кожи, позолоченной или расшитой многоцветными шерстяными и шелковыми нитками.

Изучение фрагментов тканевых, кожаных, войлочных изделий, сохранившихся в джетыасарских памятниках, позволило выполнить несколько, хотя и частичных, реконструкций и выявить в погребениях разных типов и времени четкую повторяемость большинства видов наплечной одежды, головных уборов, а также сопровождающих одежду наборов украшений. Найденный в культурных слоях поселения войлочный чепрак с шерстяной узорной каймой наиболее близок пазырыкским. Многие детали мужской и женской одежды носителей джетыасарской культуры находят аналогии в материалах прежде всего евразийских степей савроматского и сарматского времени, а также в относимых к юэчжийским некоторым богатым погребениям Тилля-тепе. Кожаные одежды всадниц из джетыасарских курганов близки к кожаным накидкам, обнаруженным в горноалтайских погребениях скифских времен. Украшенные позолоченными кожаными фестонами головные уборы, туалетные сумочки перекликаются с найденными в раннегуннских курганах Монголии. Обнаруженные в джетыасарских курганах янтарные пуговицы из Прибалтики, сердоликовые – из Индии, стеклянные – из Сирии и Египта, халцедоновые геммы из Ирана, восточноевропейские и центрально-европейские фибулы и браслеты, как и множество других аксессуаров, лишней раз демонстрируют огромный размах джетыасарских связей. Что же касается самих тканей, то многочисленные находки в джетыасарских разновременных и разнотипных погребениях китайских одноцветных и полихромных шелков, как и полихромных же иранских шелков, служат доводом в пользу утверждения автора о значимости региона как особо важного перекрестка не только миграционных, но и торговых путей (в том числе и Великого шелкового пути).

Текстиль из джетыасарских могильников охватывает весь возможный для своего времени ассортимент богатых тканей. Богатейшими тканями для того времени были, безусловно, шелка – многоцветные и гладкие из Китая и многоцветные узорные из Ирана и Сирии. В то же время можно говорить и о местном текстильном производстве хлопка. Огромное же число пряслиц, найденных как в культурных слоях городищ, так и в погребениях, подтверждает предположение о широком развитии местного ткацкого ремесла. При этом невысокое качество местных хлопчатобумажных тканей компенсировалось их покраской. Одновременно с простыми хлопчатобумажными тканями употреблялись и многоцветные двухслойные ткани из хлопка, структура которых была идентична драгоценным иранским шелкам.

Свыше 600 металлических наременных бляшек и пряжек позволило помимо определения их типологии и хронологии дать реконструкцию 12 поясных наборов, которые можно распределить между двумя крупными хронологически различающимися группами. Особый интерес представляет хронологически более ранняя группа поясов, известная в основном в степях Казахстана. В целом все джетыасарские украшения отличаются необычайной стабильностью. Например, многие типы бус, появившись в погребениях, датируемых последними веками до новой эры, продолжают встречаться и позже, вплоть до V–VI вв. н.э. Постепенно происходят незначительные изменения в наборах бус, что, вероятно, связано с развитием стеклоделия как ремесла. Известно, что бусы – массовый материал, который с высокой степенью достоверности отражает направления связей и торговые отношения. Однако коллекция джетыасарских бус уникальна, потому что объединяет бусы самого разного происхождения: балтийский янтарь и индийские камни, средиземноморские кораллы, кавказский гагат и др. Стеклянные бусы происходят из мастерских всех известных школ стеклоделия. Такое разнообразие, видимо, нужно объяснять не только широкими торговыми операциями: носители джетыасарской культуры могли играть и роль торговых посредников; часть товара, перевозимого по караванным маршрутам, неизменно оседала на этой территории. Они также могли участвовать совместно с другими племенами в далеких военных походах.

Необычайной стабильностью отличались и туалетные наборы – обязательная принадлежность погребального инвентаря женских захоронений. Как правило, в его состав включали: 1) бронзовое зеркало в матерчатом или кожаном чехле, украшенном

иногда позолоченными фестонами; 2) железный ножичек; 3) створку крупной речной раковины, часто с остатками охры или мела внутри; 4) брусок мела; 5) деревянный гребень; 6) бронзовый или железный пинцет; 7) косметический набор; 8) туалетный сосуд; 9) изредка железное шило с деревянной или костяной рукоятью, а совсем редко и сурматаш.

Коллекция бронзовых зеркал из памятников джетыясарской культуры насчитывает 125 экз. Они объединены нами в восемь типов с вариантами и подтипами. Наиболее распространены в памятниках джетыясарской культуры зеркала с боковой ручкой-штырем (52% от общего количества). IV, VI–VIII типы-зеркал являются импортом. Зеркала были подвергнуты специальному металлографическому изучению (выполнила И.Г. Равич). В результате рассмотрения нашей богатой и разнообразной по своей типологии коллекции зеркал следует подчеркнуть: 1) поразительное сходство состава бронз независимо от времени и типа зеркала (естественно, не принимая во внимание импортных); 2) особую длительность бытования основных типов при абсолютной неизменности и внешнего вида, и габаритов. Вышеказанное заставляет с осторожностью относиться к аналогичным зеркалам на территории Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири (в первую очередь) как к датирующему явлению.

Среди многочисленных и разнообразных джетыясарских зоо- и антропоморфных изображений выделяются металлические литые подвески (слон, медведь, волк) и керамические ручки в виде медведей на характернейших по форме, технологии и отделке джетыясарских сосудах. Хронологический диапазон этих изображений в джетыясарских памятниках ограничен периодом от последних веков до н.э. до II–VI вв. н.э. Изображения медведей в виде металлических бляшек, подвесок и т.п. ярко представлены в культурах Зауралья и Западной Сибири, относящихся к угросамодийскому кругу, по крайней мере начиная с раннего железного века.

В материалах джетыясарских памятников находим три вида антропоморфных изображений: глиняные идолы, бронзовые литые изображения и налепы на стенках сосудов. Аналогичные примитивные глиняные, алебастровые или каменные идолы распространены в материалах, датируемых первыми веками н.э., из Поволжья, Крыма, Северного Кавказа, Средней Азии и других регионов, прежде всего в памятниках скотоводческих и скотоводческо-земледельческих культур.

Джетыясарские металлические антропоморфные бляшки и пряжки, как и антропоморфные налепы на стенках характерных джетыясарских сосудов, представлены только мужскими изображениями. Они обнаружены в нетронутых древними грабителями захоронениях девочек 4–7 лет (т.е. добрачного возраста), в виде фаллического типа пряжек и бляшек, пришитых к одежде. Это мужские фигуры с подчеркнутыми половыми признаками, чаще всего с имитацией головного убора. Четко выражены некоторые антропологические характеристики: одни длиннолицые с тонким носом, с подчеркнуто раскосым разрезом глаз; другие широкоскулые; иные круглолицые с выступающим носом; широколицые с тонким носом. 64% таких бронзовых антропоморфных фигурок обнаружено в погребениях последних веков до н.э. – первых веков н.э., 18% их отмечено в погребениях IV–V вв. н.э. и 18% – в материалах V–VII вв. н.э.

Керамические налепы на сосудах близки вышеописанным бронзовым фигуркам иконографически. Это налепы на стенках характерных для джетыясарской керамики крупных красноглиняных, обычно красноангобированных сосудов. Хронологические рамки этих изображений – с III в. по VII–VIII вв. н.э. Аналогии джетыясарским керамическим налепам встречаем в материалах присырдарьинских памятников отгарско-каратауской культуры вместе с типичной джетыясарской керамикой этапа Джетыясар II.

Массовые и наиболее близкие аналогии джетыясарским бронзовым фигуркам – части антропоморфных керамических налепов, части зооморфных металлических подвесок, изображения медведей – обнаруживаем прежде всего в зауральских степях. Все эти антропо- и зооморфные фигурки, подвески и налепы, хотя и являются характерной особенностью джетыясарской культуры, но не имеют в ней корней и распро-

страняются лишь на определенных ее этапах. Представляется, что они связаны, очевидно, с притоком на данную территорию очередного пришлого населения. Безусловно, иконографически тесно связанные с бронзовыми антропоморфными изображениями керамические антропоморфные налепы (как и часть металлических фигурок) могли развиваться уже в Восточном Приаралье, откуда позднее и распространились в районах Средней Азии и на запад.

Анализ материала, полученного в результате многолетних раскопок и разведок на территории огромной примыкающей с востока к Аральскому морю равнины, позволил прийти к заключению, что в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. были обитаемы главным образом обширные территории бассейна древних северных средне-сырдарьинских протоков, где создалась устойчивая, насыщенная памятниками область своеобразной культуры. Само географическое положение ее определяло функциональную нагрузку территории джетыясарской культуры. Именно эти регионы, занятые джетыясарскими памятниками, с древнейших времен являлись зоной постоянного торговых, культурных и этнических контактов между скотоводами евразийского степного пояса и прилегающих районов, а также между скотоводческими племенами и земледельцами среднеазиатских оазисов. Здесь же проходили весьма значимые торговые пути, и здесь же лежал своеобразный перекресток миграционных потоков.

Характерный для джетыясарской культуры необычайный консерватизм при внешней архаичности всех черт материальной культуры проявляется и в облике городищ, в топографии расселения («гнезда»), в планировке и характере внутренней жилой застройки, фортификации, в строительных приемах, погребальных сооружениях (как наземных, так и подземных), в едином для всех типов и групп погребальном обряде, бытующем без видимых изменений на протяжении всего существования культуры в регионе.

Антропологические исследования говорят об едином в основной массе населении, хотя в отдельных курганах и могильниках можно отметить иной расовый тип⁶.

Весьма устойчивой была и экономика. Хозяйство обитателей джетыясарских городищ носило комплексный характер, при котором занятие скотоводством и земледелием сопровождалось рыболовством и охотой. Скотоводство играло преимущественную роль в хозяйстве джетыясарского населения. В стаде содержались разные виды скота, при общем преобладании крупного рогатого, разводили коней.

«Гнездовой» тип расселения укрепленных джетыясарских городищ заставляет предполагать родоплеменную организацию, а наличие своеобразной типовой планировки жилища и ее бесконечная повторяемость в пространстве и во времени, особая связь какой-либо жилой секции с определенным глухим участком оборонительного коридора, полное отсутствие видимой имущественной дифференциации говорят о прочности патриархально-общинных отношений. Все аспекты культуры: топография и характер ее городищ, строительные приемы, принципы фортификации, внутренняя жилая застройка, погребальные сооружения и обряды, керамика, основные предметы быта, одежда, даже характер «модных» украшений – оставались неизменными на протяжении тысячелетия. Даже типы хозяйства, вероятно, и сама социальная организация общества, насколько можно судить по остаткам джетыясарской материальной культуры, практически не изменялись на всем протяжении ее бытования в регионе. Возможно, в силу происхождения, специфики социальной организации джетыясарского общества, расположения джетыясарских памятников в зоне традиционных миграционных дорог носители джетыясарской культуры могли особенно культивировать свой консерватизм и внешний архаизм и в качестве одной из защитных реакций. На фоне подобного единообразия всех черт материальной культуры становятся заметными малейшие отклонения в планировке поселений, фортификации, погребальных сооружениях, керамике и т.п. Эти «чужие» элементы, столь хорошо заметные в системе джетыясарских комплексов, позволяют успешно проследивать характер, направленность, степень проявления разных типов и форм контактов.

Сохранившиеся во многих захоронениях обрывки богато украшенной одежды,

сшитой из шерсти, хлопка, гладкого и полихромного шелка, кожи, свидетельствуют о постоянных далеких связях «джетыасарцев» как с Китаем, так и с Сирией, Ираном, дорогие полихромные шелка которых широко представлены в материалах джетыасарской культуры. То же можно сказать и о каменных бусах, фибулах, предметах туалета и т.п. Изделия всех ныне известных древних мастерских (в том числе и стекольных) от Египта до Китая, от Переднего Востока, Ирана и Индии до Центральной Европы и Прибалтики также найдены в джетыасарских курганах. При этом керамика, наиболее массовый и выразительный предмет материальной культуры, оставалась неизменной. Исследования разных аспектов материальной культуры различных регионов Средней Азии и Казахстана привели нас к убеждению, что именно бытовая керамика является основным индикатором не только культуры, времени, но и показателем этнической принадлежности. Бытовая (но никогда не парадная) посуда, чаще всего изготовленная ручной лепкой, никогда не становилась объектом импорта или экспорта, и в первую очередь это относится к культурам с натуральным типом хозяйства, часто со скотоводческо-земледельческим уклоном, что характерно для евразийского степного пояса и соседних лесостепных и полустепных районов. Погребальные обряды и типы погребальных сооружений, являющиеся отражением определенных идеологических представлений, могут быть одним из значимых проявлений культуры на определенных этапах, но не этнической характеристикой. Поэтому появление на «джетыасарской» территории иной керамики, как правило, вместе с фиксируемыми отличными от джетыасарских деталями погребальных сооружений и инвентарем позволяет говорить о притоке иноэтничного, инокультурного населения и проследивать связи каждой новой «волны». Среди 29 изученных нами некрополей в двух – основное число курганов (могильники Алтынасар 4 м, Косасар 2), в трех – отдельные группы курганов (могильники Алтынасар 4 в, 4 к, 4 т), содержали погребения и элементы материальной культуры, резко отличные от типичных джетыасарских. Анализ материалов таких погребений показал, что на территорию размещения джетыасарских памятников носители иных культур и этносов попадали неоднократно. Так, уже к V–IV вв. до н.э. можно отнести отдельные погребения с характерным для тяньшаньских саков инвентарем. К последним векам до н.э. относятся немало курганов, содержащих материалы, типичные для зауральских гороховской, саргатской культур и соседних с ними лесостепных и лесных культур Зауралья и Приуралья, связываемых исследователями с угорскими и угро-самодийскими племенами. Тожественные материалы отмечены в культурных слоях ранних джетыасарских поселений в слоях последних веков до н.э. Весьма вероятно, именно с появлением в последние века до н.э. значительных масс зауральского населения можно увязывать распространение определенных зоо- и антропоморфных изображений. Эти изображения дополняют другие археологические данные и в первую очередь находки сосудов, тождественных керамике гороховской и саргатской культур Зауралья.

Почти одновременно с вышеуказанными в джетыасарских комплексах отмечаются материалы, типичные для предгорных и присырдарьинских районов Южного Казахстана, локальных вариантов среднесырдарьинских культур. Возможно, ко II–I вв. до н.э. – I в. н.э. можно отнести и постройку на территории, занятой джетыасарскими памятниками, четырех городищ, отличных от характерных джетыасарских крепостей, как-то: Ашак-асар, Карак-асар, Кос-кала Северная и Кос-кала Южная. Не только планировка, фортификация отличают эти памятники от джетыасарских, но прежде всего и керамический комплекс. Характерные пропорции, технология сосудов, найденных как на этих поселениях, так и в некоторых курганах могильников Бедаикасар 2, Алтынасар 4 в, 4 к, Косасар 2, тождественны таковым ранних слоев первого периода среднесырдарьинских культур (прежде всего предгорных районов), отличаясь от последних лишь большей примитивностью технологий изготовления и покрытия сосудов. Нам представляется вероятным отождествлять носителей этих культур с юэчжами.

Вероятно, в I в. до н.э. в джетыасарских комплексах фиксируются предметы инвентаря, характерные для памятников, связываемых исследователями с характерными гуннскими.

Неоднократно упомянутая специфика джетыасарской культуры позволяет не только четко выделять в материальных комплексах инокультурные элементы, но и проследить их существование на протяжении длительного времени.

Аналогичная картина наблюдается и в памятниках первых веков и середины первого тысячелетия н.э. вплоть до VI–VII вв.: в Джетыасарском урочище отмечаем не только специфические черты «тюркского» орнамента на характерной джетыасарской керамике, но и фрагмент рунической надписи на венчике типичного джетыасарского ковшина, найденного в культурном слое одного из джетыасарских городищ. Можно говорить даже о двух волнах тюркского населения, с востока и юго-востока, попавших на «джетыасарскую» территорию в VI и начале VII в., но после смешения с местным населением давших отличные варианты культуры. Полученные при раскопках материалы дали возможность отслеживать судьбу «чужих» этносов и культур, попадавших на территорию «джетыасарцев». При этом постепенная ассимиляция часто не прерывала связи определенной группы пришлого населения с местами прежнего обитания. Последнее предположение подтверждается продолжающимися тесными связями и с зауральскими, и с восточносреднеазиатскими и другими районами, по крайней мере по IV в. н.э.

«Нарочитый» консерватизм джетыасарского населения мог быть проявлением устойчивого этнического самосознания, благодаря которому джетыасарская среда успешно «поглощала» большинство пришлых племен.

В то же время специфика самой джетыасарской культуры позволяла в определенный период, на протяжении столетий, сосуществовать на данной территории различным этническим образованиям.

Исследования антропологов подтверждают выводы археологов о том, что именно в упомянутых нескольких могильниках фиксируется смешанность населения; при этом, если женщины явно принадлежат к коренным жителям, то останки мужчин, например из могильника Косасар 2, обнаруживают почти тождественное сходство с носителями тогарской культуры, жителями Тувы, савроматами и сарматами Уральского региона⁷.

Взаимодействие носителей джетыасарской культуры с иными племенами не проходило бесследно и для «джетыасарцев». Так, в конце III–IV в. н.э. гибнет в огне военных столкновений ряд джетыасарских городищ, другие спешно покидаются жителями. Очевидно, под влиянием волны кочевников с востока происходит передвижение больших групп джетыасарского населения в районы Северного Кавказа и далее на запад, а также четко фиксируемое одновременное передвижение их по правому берегу Сырдарьи на юг и юго-восток, по крайней мере до Ферганы.

В то же время джетыасарское население оказывало значительное влияние и на племена восточной части Средней Азии (прежде всего присырдарьинские), Северного Кавказа (ср. с раннеаланскими памятниками), Среднего Поволжья и др.

Миграционные волны достаточно четко фиксируются в рассматриваемых регионах Восточного Приаралья и в конце V – начале VI, в конце VI – VII и в VIII вв. н.э. В VIII–IX вв., в связи с очередными экологическими катаклизмами прекратилась жизнь в долинах древних северных сырдарьинских протоков, а часть жителей джетыасарских городищ переселилась в районы современных дельт Сырдарьи и Амударьи (культура «болотных городищ», кердерская), некоторые – на юго-восток, но большинство покинуло регион, продвинувшись дальше на запад и северо-запад, в районы Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа (бахмутинская, салтовская культуры).

Безусловно, этническая идентификация остается одной из интереснейших проблем. С рассматриваемым регионом связывают множество различных племен и государственных объединений; упомянем хотя бы такие глобальные теории или гипотезы, как тохарская, танская, эфалалито-хионитская, аварская, огузская, печенежская и многие другие, но, в первую очередь, кангуйская. Мы продолжаем считать, что неза-

висимо от локализации центра Кангюя, районы Нижней и Средней Сырдарьи к началу н.э. входили в это государственное объединение⁸. Широкомасштабные археологические исследования последних трех десятилетий в восточной части Средней Азии и присырдарьинских районах позволяют предположить, что носители джетыасарской культуры занимали особо важное место в этнически сложном объединении Кангюй. Бесспорно фиксируемые гуннские материалы в джетыасарских памятниках в какой-то степени можно объяснить и дальнейшим продвижением на запад в центр Кангюя части воинов Чжичжи Шаньюя. Вероятно, именно на территории, занимаемой джетыасарской культурой, гунны могли длительное время тесно контактировать и с аборигенами-иранцами, и со сравнительно незадолго до них появившимися здесь юэчжами и уграми. В I тысячелетии н.э. в этих же районах, как выше неоднократно упоминалось, хорошо прослеживаются новые волны иноэтнического инокультурного населения, в том числе и тюркоязычного. Естественно, нельзя хотя бы не упомянуть проблемы печенежского, огузского формирований.

На разных этапах истории носители джетыасарской культуры не были простыми ретрансляторами культур различных этнических групп, но прежде всего сами сыграли весьма заметную роль в этнокультурной истории многих народов Евразии.

Примечания

¹ Толстов С.П. Аральский узел этногенетического процесса // Советская этнография. Вып. VI–VII. М., 1947. С. 308–310.

² Толстов С.П. Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи) // Советская этнография. 1961. № 4; *его же*. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; *его же*. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // Вестник древней истории. 1963. № 2; Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее – ТХАЭЭ). Т. VIII. М., 1973; Вишневецкая О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии // Материалы и исследования по археологии СССР. № 177. М., 1971; Левина Л.М. Поселения VII–V вв. до н.э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма (ТХАЭЭ. Т. XI). М., 1979.

³ Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чиркрабатская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М., 1993.

⁴ Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 125–140.

⁵ Левина Л.М. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыасарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966; *ее же*. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. Т. VII. М., 1971.

⁶ См. Кияткина Т.П. Краниологический материал из склепов могильников Алтынасар 4, Томпакасар, Косасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. М., 1993; *ее же*. Краниологический материал из Томпакасарского могильника // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. М., 1995; *ее же*. Краниологические исследования из могильников Алтынасар 4 // Там же; Рыкушкина Г.В. Материалы по одонтологии джетыасарской культуры // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. М., 1993.

⁷ Бужилова А.П., Медникова М.Б. Реконструкция некоторых особенностей образа жизни древнего населения Восточного Приаралья по антропологическим материалам могильника Косасар 2 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V.

⁸ Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. С. 6, 7, 241.

L. M. L e v i n a. Ethnocultural history of the Eastern Aral region, I mil. B.C. – I mil. A.D.

Large-scale archaeological excavations at the eastern parts of Central Asia and Syr Darya region carried out during the last thirty years enabled the author to conclude that Jetty-Asar culture played a key role in forming the polyethnic political entity – Kangyui. The territory of Jetty-Asar culture was a contact zone of Hunnu, Iranian-speaking indigenous population, Yuech-Chih and Ugrs. The Jetty-Asar population retranslated cultures of contacted ethnic groups and themselves actively influenced their ethnocultural development.